

**ЕВРОПА – США: ПОДХОДЫ К ВОСПРИЯТИЮ И САМОВОСПРИЯТИЮ В
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ (СЕРЕДИНА ХХ –
НАЧАЛО ХХІ в.)**

Александр Корзюк

*научно-теоретический, научно-методический журнал «Беларускі гістарычны часопіс», Минск,
Беларусь*

alexanderkorzyuk@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые концептуальные подходы к восприятию и самовосприятию европейской и американской истории в исследованиях ученых двух регионов. Прослеживаются взаимосвязи и взаимодействие американской истории и европейской идентичности. Раскрываются некоторые особенности преподавания истории в средней и высшей школе США, которые связаны с особенностями трансформации научного исторического знания в образовательное, а также с особенностями восприятия европейской истории. Делается вывод об их обусловленности и взаимосвязи.

Ключевые слова: европейская история, американская история, США, европейская идентичность, историческое исследование, преподавание истории

**EUROPE – USA: APPROACHES TO PERCEPTION AND SELF- PERCEPTION IN
HISTORICAL RESEARCH AND HISTORY TEACHING (MIDDLE OF 20th – EARLY 21st
CENTURY)**

Alexander A. Korzyuk

scientific-theoretical, scientific-methodical journal «Belarusian Historical Journal», Minsk, Belarus

The article discusses some conceptual approaches to the perception and self-perception of European and American history in the research work of scientists of the two regions. The interrelationships and interaction of American history and European identity are traced. Some features of teaching history in secondary and high schools in the USA, which are associated with the peculiarities of the transformation of scientific historical knowledge into the educational one, as well as with the peculiarities of the perception of European history, are revealed. The conclusion about their conditionality and interrelation is made.

Keywords: European history, American history, USA, European identity, historical research, history teaching

Изучение и преподавание истории предоставляет исследователям и педагогам возможность не только раскрыть прошлое своей страны, но и через его призму получить возможность для восприятия

истории других стран и самовосприятия собственного исторического прошлого. Одним из результатов этого является формирование социальной, национальной, политической и культурной идентичности. В содержании данной статьи рассматривается, каким образом данный процесс осуществлялся в исследованиях европейских и американских ученых, а также его влияние на конструирование содержания исторического образования.

Изучению взаимосвязей и взаимодействия американской истории и европейской идентичности посвящена коллективная статья европейских исследователей [1]. В числе ее авторов – Марио дель Перо (Mario del Pero), профессор Института политических исследований в Париже; Тибор Франк (Tibor Frank) – профессор истории и директор Школы английских и американских исследований в Университете Эйтвёша Лоранда (Eötvös Loránd University) в Будапеште в 1994–2001, 2006–2014 гг., с 2013 г. – член Венгерской Академии наук; Мартин Климке (Martin Klimke) – адъюнкт-профессор и руководитель программы истории в Нью-Йоркском университете в Абу-Даби; Хелле Порсдам (Helle Porsdam) – профессор американистики Копенгагенского университета и Стивен Так (Stephen Tuck) – директор Оксфордского исследовательского центра гуманитарных наук и преподаватель истории в Пембрук-колледже (Pembroke College) в Оксфорде.

На взгляд авторов публикации, американские ученые в большей степени, чем европейские, стремятся сделать историю США более понятной для настоящего. Об этом, по их мнению, может свидетельствовать частое использование местоимений «мы» и «наш» в монографиях американских ученых. В свою очередь, они считают европейских историков «беспристрастными наблюдателями внутренней истории Америки» [1, р. 780], поскольку она является историей иностранного государства (по крайней мере, с колониального периода). Для западноевропейских историков неявное сравнение с собственной страной или регионом может превратить размышления о Соединенных Штатах в «самовосприятие на расстоянии» [2, р. 21–36; 33–34; 3].

Можно согласиться с выводом о том, что в Европе, как и в Соединенных Штатах, актуальность американской истории воспринималась по-разному разными авторами в разное время. Например, после Второй мировой войны восточноевропейские историки изучали американское прошлое для того, чтобы «критиковать американское настоящее в то время, как многие западноевропейские историки стремились извлечь уроки из истории страны, которая, казалось, могла служить образцом для процветания и политической гармонии» [1, р. 781]. В последнее время рост «транснациональной истории» и восприятие Америки как законодателя многих мировых трендов актуализировали интерес к американскому прошлому, особенно к более недавнему прошлому, для лучшего понимания европейского настоящего. В результате, европейские историки международных отношений стремятся вернуть Европе «место» в мировой истории после Второй мировой войны, в то время как историки, изучающие американскую внутреннюю политику, смогли взглянуть через Атлантику, чтобы лучше понять современные внутренние европейские проблемы.

Изучение истории другой нации или этнической группы способствует лучшему пониманию самого себя. Это особенно относится к европейским публикациям о Соединенных Штатах, потому что история этих двух регионов достаточно глубоко переплетена. Поэтому научные публикации европейских ученых об истории Соединенных Штатов явно или, чаще всего, неосознанно, в той или иной степени отражают национальное самовосприятие.

В наибольшей степени это утверждение верно для таких западноевропейских стран, как Великобритания, Франция, Германия и Ирландия, которые на протяжении своего исторического развития имели прямые связи с Соединенными Штатами в ходе военных столкновений, миграции или политических союзов. В качестве примера можно привести трактат Алексиса де Токвиля (Alexis de Tocqueville, 1805–1859) «Демократия в Америке» («De la démocratie en Amérique»), который был написан для информирования французской политической элиты об американской демократии [4].

В исследовании отмечается, что интерес к истории Соединенных Штатов также широко распространен в странах Центральной и Восточной Европы, которые возникли в результате распада континентальных империй. Например, в случае Венгрии, наблюдение за Америкой как средство «самовосприятия на расстоянии» имеет долгую историю, поскольку страна стремилась утвердить свои конституционные права в рамках империи Габсбургов, а затем и отстоять национальную независимость от нее. Венгерский писатель Шандор Бёлёни Фаркаш (Sándor Bölöni Farkas, 1795–1842) опубликовал свою книгу «Путешествие в Северную Америку» в 1834 г., за год до выхода из печати «Демократии» Токвиля. В ее содержании он отмечал, что американский демократический строй дает людям возможности для большего контроля над своей жизнью, и утверждал, что эти проведенные реформы стали причиной успеха Америки и могут в будущем быть «ключом к реализации потенциала Венгрии» [5].

На основании этого авторы делают вывод о том, что практика «самовосприятия посредством наблюдения» сознательно или подсознательно формировала европейскую историческую повестку вплоть до настоящего времени — особенно в странах Восточной Европы после завершения советского господства.

Однако существуют и региональные закономерности в восприятии европейцами американской истории. Для западноевропейского общества середины XX в., стремящегося оправиться от депрессии и

войны, история «стабильной и единой демократии» по ту сторону Атлантики была не просто идеалом, которым можно восхищаться, но и моделью, которую нужно было изучать и внедрять [6].

По мере того, как разгоралась холодная война, США активно продвигали американские исследования в Западной Европе в рамках своей программы «культурной дипломатии». Внимание к истории США в Западной Европе после 1945 г. также объяснялось военным присутствием США в этом регионе (особенно в Западной Германии), распространением английского языка и постоянно растущим влиянием американской поп-культуры и образа жизни. Благодаря программе Фулбрайта многие западноевропейские историки получили возможность стажироваться в Соединенных Штатах. Многие ученые из Соединенных Штатов осуществляли свои исследования по европейской истории благодаря правительственным программам США.

В свою очередь, авторы констатируют, что политика Советского Союза была направлена на то, чтобы в Восточной Европе исторические публикации о Соединенных Штатах в 1950–1960-х гг. были в основном политизированными и негативными. Внимание исследователей этого региона было сосредоточено сначала на проблематике рабства, а со временем и на движении за гражданские права. Историки в более бедных странах Южной и Центральной Европы как правило, основное внимание уделяли эмиграции в страну с «исключительными экономическими возможностями».

По мере того, как американские историки начали отвергать различные модели «американской исключительности», их западноевропейским коллегам становилась все менее доступной существовавшая до этого единая воспроизводимая модель исторических знаний. Авторы отмечают, что с 1960-х гг. в Западной Европе антиамериканизм стал гораздо более выраженным. Но именно плюрализм американской историографии после 1960-х гг. означал, что европейские ученые могли остановиться на той версии американского прошлого, которая лучше всего соответствовала их собственным убеждениям и национальным проблемам [1, p. 783].

В Восточной Европе государство продолжало поощрять и все чаще финансировать критические исторические работы о Соединенных Штатах. После распада Советского Союза культурная дипломатия различными средствами стремилась развить популярность США в бывшем Восточном блоке. Посткоммунистическая Венгрия и особенно Польша оставались последовательно проамериканскими, и потому в содержании исторических исследований особый интерес проявлялся к новейшей военной, дипломатической и политической истории США.

В то время как после Второй мировой войны европейские историки занимались проамериканскими или антиамериканскими исследованиями, в регионе сформировалась и другая традиция историописания. Журналисты, писатели-путешественники и другие «публичные интеллектуалы», а не академические историки, стремились познакомить читающую публику с американской историей и культурой и при этом избежать открытого политического послания. Эта «образовательная миссия», далекая от создания полностью научной версии истории, способствовала углублению связей с Западной Европой в начале холодной войны, а затем и с Восточной Европой после ее окончания [1, p. 784].

Угасание императивов холодной войны, большее сближение академических культур Европы и Соединенных Штатов и — особенно в XXI в. — растущий интерес американских ученых к глобальным аспектам истории, могут, по мнению авторов статьи, положить конец исключительно европейским подходам к изучению американской истории. Немецкий ученый Винфрид Флюк (Winfried Fluck) писал в 2011 г.: «Транснационализм был полезен мне и другим ученым-американистам из-за пределов Соединенных Штатов». До возникновения транснациональной истории, «когда мы приехали в Соединенные Штаты, мы были «бедными родственниками; теперь мы – востребованные посланцы из другого мира, которые, похоже, обладают магической силой ввести американцев в новую эпоху космополитизма» [7, p. 380].

Таким образом, исследования современных европейских историков на данный момент являются более востребованными для достижения американских научных и общественно-политических целей, чем для европейских. Однако при написании транснациональной истории, которая включает и историю США, европейские историки обнаружили, что они, как оказалось, пишут «нашу историю» (как это они уже давно делали с историей иммиграции, историей дипломатии и колониальной историей), и, таким образом, у них, как и у американских коллег, появилась личная заинтересованность в американской истории. Однако для европейских историков написание «нашей истории» не означало, что они испытывали те же влияния или имели те же цели, что и их американские коллеги с точки зрения придания актуальности истории США. Совсем наоборот: это предоставляло им возможность вернуть себе свое собственное «право» на всемирную историю.

Тем не менее, даже для британских историков, которые чаще общаются с американскими, чем с европейскими коллегами, и которые все чаще рассматривают американскую культуру и историю как неотъемлемую часть своей собственной, изучение истории США предоставляет возможности для «самовосприятия на расстоянии». Например, в Великобритании конца XX в. значительное количество британских историков занималось изучением истории Юга США, а среди них непропорционально большая

группа исследователей была сосредоточена на расовой проблематике. Для ученых, живущих в стране, которая боролась с расовой напряженностью и имела определенную поляризацию общественного мнения по поводу иммиграции, история американской сегрегации послужила определенным предупреждением, к которому следовало прислушаться. Многочисленные обращения к истории Соединенных Штатов также были связаны с отсутствием в собственно истории Великобритании эпизодов о борьбе за расовые гражданские права.

В свою очередь, популярность истории движения за гражданские права в США способствовало отсутствию тем по британской расовой истории в учебных программах — в начале XXI в. движение за гражданские права в США входило в пятерку самых популярных тем по истории для старшеклассников на выпускных экзаменах [8].

Британские историки не были одиноки в обращении к проблематике американского движения за гражданские права. Немецкие ученые, в частности, сосредоточили свое внимание на расовой борьбе в современных США [1, р. 788]. Растущий интерес европейских историков к американскому мультикультурализму также можно понять с точки зрения необходимости понимания данного концепта.

Таким образом, методологические позиции и используемые методы исследования, на основе и с помощью которых европейские историки стремились сделать актуальными исследования по американской истории, основываются на национальных академических традициях, современных политических императивах, общественных ожиданиях от исторической науки и личной позиции автора и оказывают существенное влияние на тематику и содержание работ по истории Соединенных Штатов. Такое влияние может не всегда в полной мере детерминировать выводы, к которым ученый придет в результате проведенного исследования, но вполне может определить круг вопросов и тематику исследования.

Следует отметить, что в конце XX в. в США еще больше возрос интерес и к изучению истории, и к ее преподаванию. В первую очередь это было связано с тем, что выпускники американских школ демонстрировали невысокий уровень знаний по предмету. Несмотря на существование развитой системы школьного образования, которая должна служить инструментом трансляции научных знаний в общество, массовые представления о прошлом сильно отличаются от профессиональных. Оказалось, что трансформация школьного знания в массовые представления о прошлом – это крайне сложный процесс. Подтверждением этому может служить вывод известного французского историка и педагога, члена школы «Анналов» Марка Ферро (Marc Ferro, 1924–2021), сделанный еще в 1981 г., о том, что «в мире нет другой страны, где существовал бы больший разрыв между исследованиями узкого круга специалистов и уровнем знания, распространяемого массовым порядком» (первое русскоязычное издание книги было опубликовано в 1992 г., второе, дополненное – в 2010 г.) [9, с. 381]. Таким образом, в сознании исторического сообщества проблема обучения истории в школе выглядит куда более сложной, чем в публичных дискуссиях, и далеко выходит за пределы споров о характере учебных программ или содержании массовых исторических представлений [10, с. 118].

Рассмотрим, каким образом научное историческое знание находит свое отражение в процессе конструирования содержания исторического образования по европейской истории. В процессе нашего исследования представляется интересным сравнить, насколько выявленные тенденции в изучении американскими учеными европейской истории свойственны для процесса ее преподавания в средней и высшей школе США.

Методологические основы преподавания европейской истории в средней и высшей школе США достаточно подробно рассматриваются в статье профессоров Йоркского университета (Торонто, Канада) Артура Хабермана (Arthur Haberman) и Адриана Шуберта (Adrian Shubert) «Американская исключительность и преподавание европейской истории» [11].

Авторы отмечают, что концепция американской исключительности – это постулат для большей части учебных программ по истории в Соединенных Штатах. «Существует мнение, что Соединенные Штаты и их народ занимают особое место в мировой истории, потому что эта страна олицетворяет надежду для всего мира и для развития свободы и демократии. Идея берет свое начало в ранней истории Соединенных Штатов, когда их основатели-пуритане, используя метафору губернатора колонии Массачусетского залива Джона Уинтропа (John Winthrop, 1588–1649) о новом обществе как «Городе на холме», верили, что сообщество Новой Англии послужит образцом для остального человечества» [11].

Проникнутые как религиозными, так и рационалистическими чувствами и коннотациями, приверженцы этой точки зрения рассматривают историю Соединенных Штатов как пример для остального мира. Их история имеет особое значение, во многом так же, как ранняя история еврейского народа в Ветхом Завете является исключительной для западной культуры. Названия некоторых учебников истории, используемых в Соединенных Штатах, отражают эту точку зрения: «Дайте мне свободу!», «Изобретая Америку», «Американская судьба», «Созданы равными: социальная и политическая история Соединенных Штатов», «На добрую землю: история американского народа», «Американское обещание» и др. [11].

Законопроект, внесенный в Сенат Соединенных Штатов 6 сентября 2005 года, содержал раздел о преподавании истории в колледжах и университетах. Статья 851, озаглавленная «Американская история за свободу», давала министру образования полномочия присуждать гранты программам высшего образования, которые преподают «традиционную американскую историю; историю, природу и угрозы свободным институтам; и историю западной цивилизации» [11].

Традиционная американская история определяется в законопроекте как «важные конституционные, экономические и внешнеполитические тенденции и проблемы, которые сформировали ход американской истории, и ключевые эпизоды, поворотные моменты и ведущие фигуры, участвующие в конституционной, интеллектуальной, дипломатической и экономической истории Соединенных Штатов» [11]. Как видно из формулировки, социальная история не вошла в этот список, а сравнение истории Соединенных Штатов с историей других стран или культур и взаимодействие США с другими регионами мира не упоминаются. Свободные институты определяются как «институты, возникшие в результате развития Западной цивилизации, такие как демократия, конституционное правительство, права личности, рыночная экономика, свобода мысли, свобода вероисповедания и религиозная терпимость» [11].

Исходя из этого, авторы публикации задаются вопросом: может ли быть так, что история остальных регионов и стран преподается в Соединенных Штатах через призму этого исключительного взгляда на прошлое? В частности, они предполагают, что взгляд на европейскую историю, вторую по популярности область исторических исследований, по-видимому, сильно зависит от того, как Соединенные Штаты воспринимают сами себя. В свою очередь, в школьном историческом образовании начала XXI в. сохраняется относительно невысокий интерес к неамериканской истории. Она изучается в старших классах средней школы, но не входит в необходимый минимум знаний выпускников средней школы. «Американцы, как никто, игнорируют внешний мир», – констатировал Марк Ферро [9, с. 379].

В США преподавание европейской истории, иногда называемой историей Западной цивилизации, началось во время Первой мировой войны, когда возникла потребность объяснить американским солдатам, за что они сражались. Война рассматривалась не просто как борьба за власть, а как борьба за культуру, как защита определенных идеалов и ценностей. По мнению авторов, «Первая мировая война не являлась мировой, ни, до апреля 1917 года, войной США. Это была война между европейскими государствами, своего рода гражданская война на Западе» [11]. Тем не менее, они признают, что «по мнению Соединенных Штатов, ценности, которые необходимо защищать, находились на стороне Великобритании и Франции, а не Германии» [11].

С того времени в курсах истории Западной цивилизации или европейской истории акцент делался на изучении следующих основных моментов: значение итальянского Возрождения; история Великобритании и Франции; сравнение демократии в Великобритании и Франции с авторитарными режимами царской России, бисмарковской и нацистской Германии, а также фашистской Италии; ценности и значение Реформации и протестантизма; значение европейских империалистических завоеваний для остального мира и Европы; значение идей Локка и Руссо в развитии концепций прав и суверенитета народа; важность парламентаризма в Великобритании и других странах; Французской революции и других революций, ведущих к народному суверенитету; роль рабочего движения и борьба за избирательное право средним и низшим классами и женщинами; торговой и промышленной революций и важности капиталистической экономики [11].

Менее подробно рассматриваются: история Османской империи с XV по XX века; роль Скандинавии в европейской истории; события на Пиренейском полуострове после окончания правления Филиппа II, за исключением упоминания Гражданской войны в Испании; история Средиземноморья, за исключением Возрождения, Рисорджименто и фашистской Италии; большинство событий в Восточной Европе, кроме раздела Польши и «холодной войны». Крайне поверхностно (если вообще что-либо) говорится о культурах православного христианства и ислама в Европе [11].

В основе подобного отбора содержания исторического материала лежит признание в качестве основополагающей идеи прогресса. История, по крайней мере, европейская и американская, телеологически рассматривается как процесс эволюции определенных идей — конституционализма, прав, свобод и т.п. Исходя из этого, считается, что эти идеи заслуживают изучения, и кроме того, западный мир показывает, как их можно приобрести. Поэтому в тех регионах и странах за пределами Европы и Соединенных Штатов, где эти явления сейчас существуют, они преподносятся как уникальный подарок Запада [11]. Окончанием европейской истории для Соединенных Штатов являются сами Соединенные Штаты, но не такие, какими они были или стали, а такие, какими они хотят быть и хотят, чтобы их видели. Таким образом, европейская история изучается как прелюдия к мировому лидерству Соединенных Штатов [11].

Какими видятся авторам статьи пути преодоления выявленных или негативных тенденций в преподавании европейской истории?

Во-первых, преподавая европейскую историю, не следует сводить ее изучение к истории Великобритании и Франции и ряда отдельных событий в других странах. Во-вторых, необходимо вписывать

изучение европейской истории в мировой контекст, а не в контекст «неизбежного» продвижения к лидерству и превосходству Соединенных Штатов. В-третьих, следует покончить с представлением о том, что есть только один правильный (западный) путь развития истории. В-четвертых, признать, что, как Европа и Запад повлияли на мировую историю, так и остальной мир, в свою очередь, глубоко повлиял на развитие Запада. В-пятых, учитывать, что некоторые аспекты западной истории являются достаточно спорными и нелицеприятными, в частности, рабство, расизм, колониальные захваты. В-шестых, использовать принцип конкретно-исторического преподавания истории: «преподавая историю Европы, убедитесь, что вы знаете, что такое Европа в данный момент времени» [11].

По мнению исследователей, возможно, пришло время изменить взгляд на саму «американскую историю» (American History), как ее называют в Соединенных Штатах. Они предлагают попробовать преподавать историю Северной и Южной Америки (History of the Americas), как это делал историк из Калифорнийского университета в Беркли Г.Ю. Болтон (Herbert Eugene Bolton, 1870–1953) в начале XX в. Он утверждал, что невозможно изучать историю Соединенных Штатов в отрыве от истории других американских наций. Такой подход обеспечил бы более широкий взгляд на мир, дав некоторое признание остальным американским странам как что-то иное, чем расширение влияния Соединенных Штатов со времен «доктрины Монро» [11].

Однако возможным препятствием для реализации данного подхода выступает разнообразие школьного исторического образования в США. Соединенные Штаты демонстрируют большую вариативность в отборе исторического материала и методах его изучения, чем какая-либо другая страна. При этом, преподавание истории вынуждено реагировать на социальные запросы и потому в определенной степени зависит от них. В результате в Соединенных Штатах сколько школ, столько и учебников, столько и разных видений прошлого и настоящего Америки. Учебник в американской школе выступает как бы в роли словаря; к нему обращаются за ориентирами, а не за заключительными выводами, и еще в меньшей степени — за анализом исторических событий и процессов, что является нехарактерным для школьного исторического образования в европейских странах.

Таким образом, изучение истории другой нации или этнической группы способствует лучшему пониманию самого себя. Историческое научное и образовательное знание находится под влиянием исследований как «домашних» историков, так и зарубежных специалистов. Формируя историческое знание, можно и нужно опираться не только на «внутреннее» видение собственной истории, но и учитывать результаты исследований сторонних наблюдателей. Значительную роль в повышении объективности восприятия и самовосприятия, а следовательно, и исторических исследований в целом, сыграло взаимодействие и взаимовлияние европейской и американской историографии. Практика «самовосприятия посредством наблюдения» сознательно или подсознательно формировала европейскую историческую повестку в отношении изучения истории США вплоть до настоящего времени. Плюрализм американской историографии после 1960-х гг. дал возможность европейским ученым остановиться на той версии американского прошлого, которая лучше всего соответствовала их собственным убеждениям и национальным проблемам.

Научное историческое знание находит свое отражение в процессе конструирования содержания исторического образования по европейской истории. Тем не менее, в США по-прежнему преобладает «американоцентричный» подход к его построению. Отмечая его определенные положительные черты, можно констатировать, что, как показывают исследования ученых двух регионов, собственная история лучше осознается и воспринимается через призму истории других стран и регионов.

1. Del Pero, M. American History and European Identity / M. del Pero, T. Frank, M. Klimke, H. Porsdam, S. Tuck // *American Historical Review*. – June 2014. – P. 780–790. – [Electronic resource]. – 2021. – Mode of access: <https://academic.oup.com/ahr>. – Date of access: 27.01.2022.
2. Tibor, F. *Through the Looking-Glass: A Century of Self-Reflecting Hungarian Images of the United States (1834–1941)* / F. Tibor // *Multicultural Challenge in American Culture*; ed. Lehel Vadon. Eger: EKF Líceum Kiadó, 1999.
3. Offe, C. *Reflections on America: Tocqueville, Weber and Adorno in the United States* / C. Offe. Cambridge: Polity, 2005. – 140 p.
4. Токвиль, А. *Демократия в Америке* / А. Токвиль. – М.: Прогресс, 1994. – 554 с.
5. Farkas, S.B. *Journey in North America* / S.B. Farkas. – Santa Barbara: ABC-Clio, 1978. – 238 p.
6. De Grazia, V. *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe* / V. De Grazia. – Cambridge: Belknap Press, 2005. – 608 p.
7. Fluck, W A *New Beginning? Transnationalism* / W. Fluck // *New Literary History*. – 42, № 3 (2011). – P. 365–384.
8. Tuck, S. *King of All Nations* / S. Tuck // *New York Times*. – 2021. – January 15. – [Electronic resource]. – 2022. – Mode of access: – <http://www.nytimes.com/2012/01/16/opinion/king-of-all-nations.html>. – Date of access: 27.01.2022.
9. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. – М.: Книжный клуб 36,6, 2010. – 480 с.
10. Савельева, И.М. Концептуальные проблемы современного исторического образования в Европе и США / И.М. Савельева // *Вопросы образования*. – 2006. – № 4. – С. 114–123.

11. Haberman, A. American exceptionalism and the teaching of European history / A. Haberman, A. Shubert // Perspectives on History: The Newsmagazine of the American Historical Association. – 2006, Sept. 1. – [Electronic resource]. – 2022. – Mode of access: – <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2006/american-exceptionalism-and-the-teaching-of-european-history>. – Date of access: 27.01.2022.